АРТЕМ САВЕНКОВ

КОГДА ТЫ МЕНЯ ЗАБУДЕШЬ

РОМАН

16+

Артем Савенков
Мой сын виноват

https://litres.ru/74683089
SelfPub; 2026

Аннотация

Михаил умеет чинить машины и привык выручать сына. Но однажды ночью на его телефоне появляются семнадцать пропущенных. Данила сбил женщину и уехал.

Отец находит адвоката, продаёт подъёмник в своей мастерской, собирает записи с камер. Впереди ехал белый фургон. Значит, есть другая версия. Значит, ещё можно всё исправить.

Но каждый новый свидетель меняет историю той ночи. А у погибшей есть имя и мать, которая всё ещё открывает переписку с дочерью. Пока Михаил ищет оправдание сыну, чужая семья учится жить после его поступка.

Теперь Данила просит только об одном — чтобы отец промолчал.

Михаил всегда знал, как защищать своего мальчика. Впервые ему придётся понять, от чего он его спасает — и кто заплатит за это спасение.

Содержание

Пролог Чай для чужой 5
Часть первая Дом в который вернулась дочь 10
Глава 1 На три дня 10
Глава 2 Квартира всё помнит 17
Глава 3 Кто отвечает на вопросы 22
Глава 4 Суп который надо доесть 27
Глава 5 После чая 31
Глава 6 Ночь по минутам 35
Глава 7 Кто может во вторник 40
Глава 8 Своим можно говорить 44
Часть вторая Женщина которой рады 47
Глава 9 Рабочие часы Надежды 47
Глава 10 Смета на обычную жизнь 53
Глава 11 Внучка приехала 59
Глава 12 Не сейчас 63
Конец ознакомительного фрагмента. 65

Артем Савенков
Мой сын виноват

Когда ты меня забудешь

Артем Савенков

Роман

Пролог Чай для чужой

Вера поняла, что мать её не узнаёт, когда та убрала со стула газеты.

Газеты лежали там с понедельника. Вера трижды перекладывала их на подоконник, и трижды Нина Андреевна возвращала стопку обратно: на подоконнике бумага сыреет, на тумбочке мешает, а стул всё равно свободный. Вера ела стоя у плиты. Ничего страшного в этом не было. Она и дома иногда ела стоя.

Теперь мать придерживала газеты локтем и смотрела на неё с вежливым беспокойством.

— Садитесь. Что ж вы с сумками.

Вера не сразу выпустила ручки пакета.

— Я хлеб принесла.

— Очень хорошо. Спасибо вам.

Мать сказала это так, как говорила с женщиной из расчётного отдела, когда та помогла восстановить потерянную квитанцию. Благодарно, без продолжения. Вера подождала. Обычно за благодарностью следовало уточнение: можно было купить вчера, можно было взять другой, можно было сначала спросить.

— А хлеб-то…

Она сама начала эту фразу и замолчала.

— Что хлеб?

— Ничего.

Утром шёл мокрый снег. На тёмном рукаве осталось несколько светлых крупинок, которые успели растаять в прихожей. Вера расстегнула куртку. Мать заметила воду.

— Промокли? Снимайте, на спинку повесим. Тут тепло.

Вера послушно сняла куртку и осталась в свитере, который Нине Андреевне не нравился. Свитер был широкий, серый, со спущенным плечом. В среду мать спросила, не отдали ли его из чужих вещей. Сейчас она поправила на стуле кухонную подушку.

— Тут мягче. Я сама на нём сижу.

Вера села.

Из окна была видна кирпичная стена соседнего дома. Под козырьком подъезда мужчина стряхивал с собачьей лапы грязь, собака терпела. На старых часах над дверью минутная стрелка опережала настоящую жизнь на семь минут. Исправлять часы мать не позволяла: они так стояли много лет, и все уже знали.

— Чаю будете?

— Буду.

— Только крепкого нет.

— Можно некрепкий.

Мать открыла шкафчик, некоторое время смотрела внутрь. Вера поднялась помочь, но остановилась. На нижней полке стояли чашки. Нина Андреевна нашла их сама и обрадовалась без всякого стеснения, как радуются вещи, кото-

рую перестали искать.

Чайник был уже тёплый. С утра его вскипятила Вера. Она придвинула его ближе и придержала чашку, пока мать наливала.

— Спасибо, — снова сказала та. — Руки стали нехорошие.

На правой руке матери была выступающая косточка у основания большого пальца. Когда Вера была маленькой, ей нравилось нажимать на эту косточку. Мать говорила: не трогай, у меня руки рабочие. И Вера знала, что есть люди с красивыми руками и люди с рабочими. Почему-то одни могли себе позволить обижаться, а другим полагалось только работать.

— Вас как зовут?

Вера посмотрела на сахарницу. Белая, с синей птицей, крышка давно от другой.

— Вера.

— Очень приятно. А меня Нина Андреевна.

— Я знаю.

Мать кивнула: ну конечно, если человек приходит, значит, знает, к кому.

— Сахар кладите. Я сама почти не кладу.

Она подвинула сахарницу.

Вера положила ложку, хотя обычно пила без сахара. Ей показалось невежливым отказываться от всего сразу: от стула, от чая, от сахара, от этой женщины, которая так старалась

её принять.

— Вы работаете?

— Да.

— Здесь?

— По компьютеру.

— Сейчас всё по компьютеру. Я смотрю, даже к врачу без него не попадёшь. А вы усталая.

Вера обхватила чашку обеими ладонями.

— Плохо спала.

— Бывает. Вы посидите, не торопитесь.

Со двора донёсся металлический стук. Мужчина вытряхивал коврик у подъезда, собака уже сидела в машине. Вера увидела, как от коврика отлетела крошечная чёрная льдинка, ударилась о бордюр. Ей очень хотелось продолжать смотреть именно туда.

— У вас дети есть?

— Дочь.

— Большая?

— Девятнадцать.

— О, взрослая. Хотя они всё равно дети. Сама-то живёт?

— Сейчас сама.

Нина Андреевна вздохнула, но не сказала ни про неблагодарность, ни про нынешнюю молодёжь. Подвинула к Вере блюдце с печеньем.

— Ешьте. Оно свежее.

Вера знала. Она купила это печенье вчера.

Мать сидела напротив, маленькая в своём коричневом кардигане. Один рукав был закатан выше другого. Седые волосы, вымытые накануне, мягко выбивались за ушами. Вера могла сейчас сказать: мама. Могла объяснить, откуда знает, в каком шкафчике чашки. Показать на фотографию возле холодильника, где они стояли рядом в чужом саду: Нина Андреевна с пакетом яблок, Вера с пятилетней Дашей на руках.

Она ничего не сказала.

— Вам не холодно? — спросила мать. — От окна тянет. Я могу закрыть дверь.

Вера почувствовала, как меняется лицо, и опустила голову к чашке.

— Нет. Мне хорошо.

— Ну и славно.

Она впервые спросила, не холодно ли мне, подумала Вера. Мне было сорок два.

Четыре дня назад она ещё покупала обратный билет.

Часть первая Дом в который вернулась дочь

Глава 1 На три дня

Павел позвонил, когда Вера проверяла объёмы кладки. В строке стояло сто сорок кубов, на чертеже получалось девяносто шесть. Кто-то до неё честно перемножил всё, что видел, включая пустоту лестничной клетки.

— Только не пугайся, — сказал брат.

Вера отодвинула мышку.

— Что?

— Всё нормально. Нашли.

— Кого нашли, Паш?

— Мать. Она вышла в магазин. Ну, заблудилась немного.

За стеной Даша сушила волосы. Фен включался короткими приступами: у него отходил провод. Вера давно собиралась купить новый.

— Насколько немного?

— Минут сорок. Может, час. Там женщина позвонила, у неё мой номер был в сумке. Я же карточку сделал.

Последнее он произнёс с нажимом. Будто Вера уже спросила, почему он не сделал карточку.

— Она сейчас дома?

— Дома. Сидит. Чай пьёт. Ругается, что я поднял шум.

— А ты?

— Я с ней.

Вера посмотрела на лестничную клетку в чертеже. Белый прямоугольник, который нельзя было включать в кладку, оказался самым важным местом на экране.

— Я приеду.

Брат выдохнул.

— Дня на три. Просто вместе посмотрим, что делать. Мне сейчас совсем не вырваться.

Она хотела спросить, а ей вырваться можно? Но он ещё был с матерью, и этот вопрос прозвучал бы слишком хорошо подготовленным.

Вера открыла сайт с билетами. Нижняя полка стоила дороже, чем она рассчитывала. Верхняя казалась сейчас несправедливостью. Она купила нижнюю и через минуту пожалела о разнице в цене.

— Надолго? — спросила Даша из дверей.

Волосы у неё были сухие только с одной стороны. На щеке отпечаталась резинка, которой она прижимала к лицу руку, пока читала.

— На три дня.

— Бабушка совсем плохая?

— Она потерялась. Паша нашёл.

— Мне поехать?

Вера резко подняла голову.

— Нет. У тебя учёба.

— У меня не только учёба.

— Я знаю. Но пока не надо.

Даша кивнула и пошла на кухню. Вернулась с хлебом и сыром.

— Ты же опять ничего в поезд не возьмёшь.

— Там есть вагон-ресторан.

— И ты опять будешь смотреть на цены в вагоне-ресторане.

Вера засмеялась. Даша не улыбнулась в ответ: она уже резала хлеб.

Перед отъездом Вера долго собирала сумку и каждый раз находила ещё одну вещь, которую будто бы необходимо взять. Даша стояла в дверях, наблюдала, как мать кладёт запасную кофту, вынимает её и складывает снова.

— Ты на три дня или насовсем?

— Там погода разная.

— У нас тоже.

Вера улыбнулась и оставила кофту. Потом стала писать дочери, что есть в холодильнике и когда платить за квартиру. Даша посмотрела на список.

— Я знаю, где у нас продукты.

— На всякий случай.

— Мам, я тут живу.

Вера остановилась с ручкой в руке. Ей было проще уехать,

если все инструкции останутся на бумаге. Тогда казалось, что она продолжает держать дом в руках, даже находясь в другом городе.

Даша взяла лист, не стала спорить дальше. Села рядом и спросила, страшно ли матери ехать. Вера хотела ответить, что незачем бояться знакомого дома. Вместо этого пожала плечами.

— Я не знаю, что там сейчас.

— Паша же говорит.

— Говорит. По телефону всё как-то проще.

Дочь подала ей зарядку, которую Вера забыла на тумбочке. Потом некоторое время они сидели без дела. На столе лежал недоделанный макет, возле него — чашка с засохшим следом кофе. Вера приготовилась сделать замечание и не сделала. Ей хотелось запомнить эту комнату обычной, не исправленной перед отъездом до состояния, в котором в ней никто не живёт.

— Ты можешь мне звонить, — сказала Даша.

— Я и буду.

— Я не про отчёты. Если просто.

Вера посмотрела на дочь. В девятнадцать та уже знала, что взрослые иногда звонят не за решением, а чтобы услышать знакомого человека. Вера в её возрасте старалась никому не показывать, когда не справляется.

Они обнялись возле раскрытой сумки. Потом Даша убрала готовые бутерброды в пакет, а Вера наконец застегнула

молнию. Дом не перестал быть её домом из-за того, что в нём оставался кто-то, кто мог обойтись без подробной инструкции.

Начальнику Вера написала, что на несколько дней уедет по семейным обстоятельствам и останется на связи. Андрей ответил почти сразу: «Понял. По школе кто закроет расчёт?» Она посмотрела на сообщение с неожиданной злостью. Потом ответила: «Я».

В поезде нижняя полка оказалась возле туалета. Женщина напротив всю дорогу звонила мужу и объясняла, где лежат продукты. Вера сначала раздражалась, потом заслушалась. Мужчина спрашивал, можно ли есть котлеты из синего контейнера. Женщина сказала: «А зачем бы я их иначе туда положила, для красоты?» — и оба рассмеялись.

Вера открыла переписку с матерью. Последнее сообщение отправила три недели назад: фотографию Дашиного макета. В ответ пришло «понятно». До этого — поздравление с Новым годом, до того — вопрос о квитанции. Она набрала: «Мам, завтра приеду». Подумала и добавила: «Не волнуйся». Убрала. Мать могла спросить, с чего ей волноваться.

Сообщение осталось без ответа.

Утром за окном потянулись знакомые низкие дома. На окраине Зареченска стоял недостроенный торговый центр, который Вера помнила ещё обтянутым ярким баннером. Баннер выцвел, обещанное открытие так и осталось датой в прошлом. Вера поймала себя на том, что ищет перемены,

которые не придётся оплакивать.

Павел встретил её на вокзале. Обнял одной рукой, другой забрал чемодан.

— Похудела?

— Нет.

— Кажется.

— Ты-то как?

— Да ничего. Пойдём, машина там.

В машине пахло детскими сухариками и стеклоомывающей жидкостью. На заднем сиденье лежала Мишина спортивная сумка. Павел долго сдавал назад, пропуская такси, и рассказывал, что мать вела себя совершенно нормально: пошла в тот же магазин, вернулась не с той стороны, дальше что-то перепутала. Вера слышала: совершенно нормально. И не понимала, зачем тогда она едет.

Дверь Нина Андреевна открыла сама.

— Ну наконец-то. Я уже думала, вы до вечера будете добираться.

Мать была ниже, чем Вера её помнила. Или Вера в поезде успела выпрямиться.

Они обнялись. Кардиган пах хозяйственным мылом и жареным луком. Вера закрыла глаза на лишнюю секунду.

— Что за сумка тяжёлая? Ты кирпичи везёшь?

— Гостинцы.

— Зачем? У нас тут ничего нет, что ли?

— Даша печенье положила.

— Ей самой надо есть нормально, а не печенье.

Павел занёс чемодан в комнату, глянул на часы.

— Я на работу. Вечером заскочу.

— Ты же говорил, отпросился, — сказала Вера.

— Так до обеда. Уже почти обед.

Он не смотрел ей в глаза и всё ещё держал ключи, хотя машина осталась внизу.

Когда за ним закрылась дверь, стало слышно, как в ванной капает кран. Нина Андреевна взяла из пакета коробку конфет, посмотрела цену на наклейке.

— Деньги девать некуда.

— Мам, я ещё куртку не сняла.

— Так снимай. Кто тебе мешает.

Вера повесила куртку на крючок, который был её крючком в школе. У него отломился шарик, и острый конец цеплял подкладку. Мать посмотрела на чемодан.

— На сколько ты?

— Пока на три дня.

Нина Андреевна перевела взгляд на закрытую дверь.

— Ты сразу-то не уезжай.

Вера хотела сказать, что только что приехала. Вместо этого пошла мыть руки.

Глава 2 Квартира всё помнит

Утром Вера нашла в холодильнике четыре открытых пакета молока. Один был почти полный, два наполовину, в последнем оставалось на донышке. На всех стояли разные даты.

— Это выбросить надо, — сказала она.

Мать сидела у окна и перебирала квитанции.

— Сначала понюхай.

— Я понюхала.

— Ты всё быстро выбрасываешь.

Вера закрыла холодильник. На верхней полке лежали три яблока, каждое в отдельном полиэтиленовом мешочке. Яблоки были хорошие. Под ними — картошка в прозрачной миске, тоже хорошая. От этого было труднее. Если бы всё оказалось испорченным, можно было бы сразу понять, с чем имеешь дело.

Она вымыла молочные полки и составила список продуктов. На столе обнаружилась ещё одна пачка масла, не убранная со вчерашнего вечера. Рядом стояла коробочка для лекарств. В отделении с надписью «среда» лежало то же, что в пятнице, но на одну таблетку меньше.

Вера сфотографировала коробочку и старый лист назначений. Не стала переставлять таблетки сама. Позвонила Павлу.

— Мне нужен последний список от врача.

— Там есть.

— Какой из трёх?

— Сверху должен быть.

— Паш, сверху квитанция за домофон.

— Я вечером приду, покажу.

— Вчера вечером ты не пришёл.

Он помолчал.

— Я замотался.

За её спиной щёлкнула коробка. Мать пыталась закрыть крышку, но угол попал под другой отсек.

— Не трогай, мам. Я сейчас спрошу, как надо.

— Сама знаю, как надо.

Вера взяла руки матери в свои, чтобы освободить крышку. Ладони были сухие, горячие. Нина Андреевна отдёрнула их.

— Чего ты меня хватаешь?

— Я не хватаю.

Пальцы матери оставили на пластике белые следы крема.

Павел пришёл днём. Принёс пакет картошки, хотя картошка уже была, и всё-таки нашёл нужный лист: в серой папке за телевизором. Достал телефон, показал переводы.

— Вот за январь. Вот в декабре. Доставку заказывал. Врач приходил. Не было такого, что я её бросил.

Вера посмотрела на суммы. На фотографии продуктов у входной двери. На короткие сообщения: «Мам, открой, курьер». «Мам, ты поела?» «Мам, возьми трубку».

Она помнила некоторые из этих дней. Павел писал ей «мать капризничает», и она отвечала: «Знаешь её характер». Потом возвращалась к работе. Из Петербурга характер занимал две строки.

— Я не говорю, что ты бросил.

— По лицу вижу.

— У меня обычное лицо.

— Вот именно.

Вера засмеялась раньше, чем успела обидеться. Брат тоже улыбнулся, но быстро перестал.

— Я вечером заходил. Не каждый, конечно. Ира суп приносила. Раиса была.

— Когда стало вот так?

— Как?

Она махнула рукой в сторону коробки, холодильника, квитанций, всего дома.

— В том-то и дело, что никак, — сказал Павел. — Сначала одно. Потом другое. Вчера говоришь — всё помнит. Сегодня я ещё на лестнице, а она уже звонит: ты чего не приходишь. Я только от неё вышел.

Он потёр ладонью лоб. В этом движении Вера узнала отца. Похожесть была неприятной: отец делал так перед тем, как объявить, что женщины сами разберутся.

— Надо было говорить.

— Я говорил.

— Ты говорил «всё нормально».

— А ты спрашивала «всё нормально?»

Она ничего не ответила.

Из кухни донёсся шорох. Мать стояла возле мусорного ведра и вытаскивала оттуда чистые пакеты, которые Вера сложила отдельно после разбора продуктов.

— Ну нельзя же вот так, — сказала она. — Этот крепкий. В нём картошку можно. А этот маленький, под хлеб.

— Мам, у тебя их два ящика.

— Значит, будет два ящика.

Павел взял один пакет, растянул за ручки.

— Этот я помню. В нём у нас ещё видеомагнитофон был.

— Не выдумывай. Видеомагнитофон в коробке был.

Вера прыснула. Мать смотрела серьёзно и оттого тоже начала улыбаться: решила, что Павел опять сказал глупость, и это было привычно.

Они сложили пакеты обратно. Не все: несколько совсем рваных Павел незаметно унёс в кармане куртки. Вера увидела торчащий край и отвернулась к окну.

После обеда она дозвонилась до регистратуры, уточнила запись к неврологу, сверила назначения с последней выпиской. На листе появились конкретные дела. Рядом с ними она машинально нарисовала пустые квадраты.

Мать подошла и заглянула через плечо.

— Ты всё пишешь. А просто посидеть нельзя?

— Можно, мам.

Вера положила ручку. Нина Андреевна сразу отошла: ей

нужно было проверить, что осталось в холодильнике.

Глава 3 Кто отвечает на вопросы

В поликлинике мать не хотела отдавать пальто.

— Украдут.

— Я буду держать.

— У тебя и так руки заняты.

Вера взяла пальто вместе с шарфом, сумкой, папкой и номерком, который мать тоже не пожелала оставлять у себя. До кабинета они шли медленно. На лестнице Нина Андреевна остановилась возле зеркала и пригладила волосы.

— У тебя расчёска есть?

— Сейчас.

— Не надо. Уже пришли.

В серой папке лежала первая подробная выписка. Ей было полтора года. Вера помнила, как Павел прислал фотографию документа: она тогда стояла в магазине, открыла сообщение между полками и долго пыталась увеличить мелкие буквы одним пальцем.

До этого изменения называли по-разному. Мать уставала, путала квитанции, повторно звонила по одному вопросу. Первые заметные странности появились примерно четыре года назад, но каждый отдельный случай находил удобное объяснение. Возраст, бессонница, чужая невнимательность. Вера тоже объясняла. Она жила далеко и знала, что Нина Андреевна никогда не была лёгким человеком. Старым харак-

тером оказалось удобно прикрывать то, что уже менялось.

Когда поставили диагноз, Вера позвонила матери. Та сердито сказала, что врачи любят пугать и что дочь лучше бы спросила, как она добиралась обратно. Вера спросила. Потом поговорили о продуктах, о погоде, о Даше. После звонка слово из выписки снова стало чем-то отдельным от живой женщины на кухне.

Теперь документ лежал перед ней. У бумаги загнулись края. За это время Павел ездил, покупал, водил к врачу, а Вера переводила деньги, звонила, приезжала ненадолго и всякий раз уезжала с мыслью, что пока справляются.

Мать рядом рассматривала ноготь, зацепившийся за подкладку пальто. Вера помогла освободить нитку. Нина Андреевна не поблагодарила: дочь сделала обычное дело. И тут же придержала её сумку, которая съезжала со стула.

Никакая выписка не делила их жизнь на прежнее плохое и нынешнее больное. Унижающие замечания существовали задолго до первых забытых счетов. Но нынешние трудности тоже были настоящими и не сводились к намерению матери снова поставить дочь на место.

Вера положила первый лист под последний, с недавней датой. Сейчас врачу нужно было увидеть, как менялось состояние. Дочери — хотя бы перестать каждый раз начинать с удобного слова «характер».

Татьяна Викторовна читала бумаги в очках, висевших на шнурке. За её спиной стояла маленькая искусственная ёл-

ка. В феврале это выглядело почти вызывающе, и Вера почему-то сразу почувствовала симпатию.

— Нина Андреевна, расскажите, как спите.

— Нормально она… — начала Вера.

Врач подняла ладонь, не глядя на неё.

— Я сначала у мамы спрошу.

Мать выпрямилась.

— Сплю. А что мне ещё ночью делать?

— Просыпаетесь?

— Как все.

— И что делаете, когда проснулись?

Нина Андреевна посмотрела на дочь. Вера хотела помочь, но не поняла, какой именно помощи от неё ждут.

— Воды пью, — сказала мать. — Или в туалет.

Врач кивнула и задала следующий вопрос. Вера слушала, как хорошо у матери всё получается. Она знала фамилию, помнила работу, называла имя сына. Веру назвала не сразу: сначала сказала «ну вот она». После нескольких заданий рассердилась.

— Я вам что, в школу пришла?

— Нет. Можно передохнуть.

Татьяна Викторовна повернулась к Вере, и та наконец заговорила. Быстро, почти не делая пауз. Про магазин, молоко, ночные звонки брату. Про коробку с таблетками. Про то, что иногда мать может целый час обсуждать знакомых, а потом спрашивает, где она находится.

Врач записывала. Нина Андреевна смотрела в окно.

— Получается, когда разговаривает нормально, она всё понимает? — спросила Вера.

— Она может понимать этот разговор. И при этом не справляться с другим делом. Например, не помнить, что уже приняла лекарства. Одно другого не отменяет.

— А старое она помнит?

— Многое из старого может сохраняться дольше.

Вера провела ногтем по краю папки.

— То есть если я спрошу о чём-то, что давно было…

Врач подождала.

— О наших отношениях. Она может ответить осмысленно?

Татьяна Викторовна сняла очки.

— Иногда вы сможете поговорить. Но я не могу по её сегодняшней реплике установить, что она чувствовала двадцать лет назад. И вам бы не советовала пытаться это проверить как тест.

Вера опустила глаза. Вопрос вдруг стал виден целиком, и ей было неловко оттого, как долго она несла его сюда между медицинскими бумагами.

— Мне нужно понимать, как с ней общаться.

— Тогда начните с сегодняшнего. Меньше сложных вопросов сразу. Не торопите. И расскажите брату, что вам потребуется помощь. В выписке я отмечу, какие бытовые задачи сейчас нельзя оставлять без контроля.

Дальше они обсуждали назначения и следующий осмотр. Врач перечеркнула устаревший лист, на актуальном поставила дату. Попросила не собирать лекарства по памяти. Мать слушала со скучающим видом и один раз спросила, скоро ли они пойдут.

Возле кабинета Нина Андреевна остановилась.

— Хорошо ты обо мне доложила.

— Мам, врач должен знать.

— Так я бы и сама сказала.

Вера сжала папку и ничего не ответила. Во дворе поликлиники стоял киоск с выпечкой. Мать первой заметила знакомое печенье.

— Возьми это. Не другое. Другое крошится.

У киоска Вера обнаружила, что кошелёк лежит на самом дне сумки под маминым шарфом. Пока искала, мать негромко сказала продавщице:

— Дочка приехала. Всё за меня теперь решает.

Продавщица улыбнулась Вере с тем готовым одобрением, которое получали дочери, приезжавшие к старым матерям. Вера расплатилась, придержала мать под локоть на скользком месте. Та не отстранилась. Но до самого дома они больше не разговаривали.

Глава 4 Суп который надо доесть

Морковь оказалась слишком крупной.

Вера нарезала её ещё раз. Теперь, по мнению Нины Андреевны, она стала мелкой.

— Разварится.

— Мам, она и должна свариться.

— Вариться и развариться — разные вещи.

Мать стояла возле плиты, мешая проходить. Вера пыталась не оттеснять её плечом. Кастрюля была та самая, эмалированная, с оббитой ручкой. В ней когда-то варили суп сразу на четыре дня. Вера в детстве мечтала есть что-нибудь, что не становится хуже с каждым днём.

— Дай соль.

Нина Андреевна протянула сахарницу.

— Это сахар, мам.

Мать посмотрела на синюю птицу. Постояла, словно Вера предложила ей переосмыслить что-то гораздо большее, чем содержимое посуды. Потом убрала сахарницу и ушла в комнату.

Вера продолжила резать картошку. Нож попал на край ногтя, она отдёрнула палец. Незначительный промах почему-то окончательно испортил утро.

Когда суп был готов, Нина Андреевна пришла сама. Вера подала ей тарелку и села с маленькой пиалой: пока готовила,

успела съесть бутерброд.

— Что это у тебя за порция?

— Я не очень голодная.

— Потом будете кусками таскать.

Вера узнала это «будете». Из одного человека легко получалась целая испорченная семья, поколение, страна.

В четырнадцать лет она не доела грибной суп перед школьным вечером. Мать собирала её два часа. Перешивала воротник, расправляла подол, не дала надеть дешёвые серёжки: к этому платью серебристые не подходят. Вера согласилась со всем. Перед выходом попросила не наливать вторую тарелку, потому что опаздывала.

Мать положила половник на стол.

— Значит, как шить тебе до ночи — это мама. А поесть, что приготовлено, — неохота.

Тогда Вера съела. Горячее обжигало рот. На вечер опоздала, а в школе долго стояла у окна в раздевалке, ожидая, когда кто-нибудь заметит платье.

Сейчас мать молча двигала ложкой. На подбородке осталась капля бульона.

Вера подала салфетку.

— Не хочешь, не доедай.

— Я хочу.

— Я просто говорю.

— А я просто ем.

Вера посмотрела на пиалу и неожиданно улыбнулась.

Мать тоже на секунду смягчилась, но вскоре отодвинула тарелку: устала.

После обеда они складывали полотенца. Вера доставала из машинки, Нина Андреевна расправляла края. Делала это медленно, с прежней привычкой проводить ладонью по сгибу. Одно полотенце она сложила дважды, развернула и начала снова. Вера подала следующее, и руки матери продолжили работу.

— Хорошее, — сказала Нина Андреевна, рассматривая махровую ткань. — Сейчас таких не найдёшь.

Полотенце Вера купила прошлым летом в сетевом магазине. Она не стала спорить.

На спинке кресла висела её старая куртка. Когда-то в Петербурге она зацепилась рукавом за ограду. Денег на новую не было. Приехала домой и ходила, прижимая локоть, пока мать не заметила.

Нина Андреевна тогда ничего не сказала. Вечером поставила лампу, распорола подкладку и зашила разрыв так, что Вера потом долго искала шов. Сидела до двух ночи. Утром сунула куртку дочери в руки и спросила, почему та опять не взяла бутерброды в дорогу.

Вера провела пальцем по рукаву. Шов был на месте. Его почти не было видно.

Вечером позвонила Даша. Она рассказывала о преподавателе, который велел переставить всё на макете, а потом одобрил первоначальный вариант.

— Может, он просто хотел, чтобы вы попробовали? — сказала Вера.

— Мам, я сейчас не прошу защитить его в суде.

— Я не защищаю. Я предлагаю посмотреть шире.

— Ага.

В трубке стало тихо.

— Ты на меня обиделась?

— Нет. Я клей ищу.

— Положила бы всё в одно место.

Даша не ответила. Только через несколько секунд сказала, что ей нужно закончить работу. Вера положила телефон на подоконник и пошла проверять ванную: там слишком долго шумела вода.

На следующее утро она решила купить хлеб до того, как мать проснётся.

Глава 5 После чая

Когда мать ушла отдыхать, Вера ещё долго сидела перед второй чашкой.

На краю блюдца лежало надкушенное печенье. Его ела Нина Андреевна. Откусывала понемногу, крошки собирала пальцем и прижимала к оставшейся половинке. Этот жест Вера знала с детства. Она могла узнать руки матери среди сотни рук. Мать не узнала её лица.

Вера набрала Лену.

— Ты разговаривать можешь?

— Смотря с кем. Если опять типография, я умерла.

— Это я.

— С тобой могу. Ты уже уехала?

— Нет.

— Я так и думала. Ты как?

Вера закрыла ладонью рот. До звонка казалось, что она совершенно спокойна.

— Вер?

— Она мне чай налила.

— Кто?

— Мама.

Лена подождала.

— И чего?

Вера знала, что сейчас всё испортит словами. Человек на-

лил другому человеку чай. Во всём мире это происходило каждую минуту, и никто не звонил по этому поводу плача.

— Она не поняла, что это я.

На том конце скрипнул стул.

— Погоди. Я выйду.

Вера слышала, как Лена велела кому-то ничего не печатать, пока она не вернётся. Потом хлопнула дверь.

— Совсем не поняла?

— Спросила, как зовут. Я сказала — Вера. Она такая… вежливая была. Понимаешь? Не как со мной.

— Может, она сейчас просто мягче стала.

— Вчера не стала.

— Я не знаю, что сказать.

Вера была благодарна ей за это признание. От Лены обычно можно было получить пять решений, ещё не договорив задачу.

— А мне было хорошо, — сказала она. — Вот что самое… Я сидела и не хотела ей объяснять.

— Что ты дочь?

— Да.

Лена дышала в трубку, рядом с ней проехала машина.

— Ты потом объяснила?

— Она устала. Пошла спать.

— Ну пусть поспит. А ты попей этот чай, раз уж налили.

Вера засмеялась сквозь слёзы. Смех получился некрасивый, с хрипом. Она вытерла лицо кухонным полотенцем, тут

же пожалела, что взяла именно кухонное, и засмеялась снова.

После звонка пришло сообщение Даши. На фотографии стоял макет: по краю проходила неровная белая стена, а над ней кто-то прицепил бумажную вывеску «Жить можно, смотреть страшно». Даша написала: «Мы защитились. Почти».

Вера ответила: «Молодцы». Хотела спросить, как всё прошло, но из комнаты позвала мать.

— Вер! Ты где?

Она вздрогнула, услышав своё обычное имя в обычной форме.

— На кухне.

— А чего сидишь? Полотенца надо убрать.

Вера посмотрела на две чашки. Чай в её чашке был почти холодный. Сахар осел на дне и снова сделал напиток сладким, когда она допила.

— Сейчас уберу.

Мать появилась в дверях, опираясь ладонью о косяк.

— Ты плакала?

Вера провела рукой по щеке.

— Нет. Нос заложило.

— На сквозняке сидела. Я же говорила, окно надо закрыть.

— Оно закрыто, мам.

— Значит, надо проверить.

Нина Андреевна ушла. Вера поднялась, потрогала оконную ручку. Проверила зачем-то уплотнитель. Когда мыла чашки, оставила материну рядом с раковиной, хотя полка была свободна.

Вечером Даша позвонила ещё раз.

— Фотку видела?

— Да. Хорошая.

— Ты вообще поняла, что там?

Вера открыла снимок. Посмотрела внимательно. Маленькая бумажная лестница вела на площадку, которой не хватало перил. На крыше была зелёная точка, оказавшаяся человеком.

— Это ты на крыше?

— Это дерево, мам.

Обе засмеялись. Вера успела спросить о защите и выслушать несколько минут. Потом Нина Андреевна снова позвала её, и Даша сказала: «Иди» — быстрее, чем Вера попросила подождать.

Глава 6 Ночь по минутам

В половине четвёртого Вера проснулась от шума в прихожей.

Мать стояла в пальто поверх ночной рубашки. Один сапог был застёгнут, второй она держала в руке. На полу лежала выдвинутая из шкафа коробка.

— Мам?

— Ты чего вскочила?

— Куда ты собралась?

— На работу. Куда ещё.

Вера нажала выключатель. Нина Андреевна зажмурилась.

— Не включай, всех разбудишь.

В квартире были только они.

— Ночь сейчас.

— Я вижу.

— Ты давно не работаешь. Ты на пенсии.

Мать села на банкетку и начала надевать второй сапог. Пятка не проходила, голенище сминалось. Вера присела помочь, но мать прижала сапог к себе.

— Я сама.

— Посмотри на часы. Половина четвёртого.

— Так я и говорю. Опоздаю.

Вера почувствовала под коленом что-то острое. На полу валялся пластиковый рожок. Она убрала его и села рядом на

банкетку.

— Там закрыто, мам. Все ещё спят.

Нина Андреевна подняла глаза.

— А кто откроет?

— Позже откроют.

— Надо позвонить.

— Сейчас рано. Давай пока воды попьём.

Они посидели. За стеной спустили воду. Мать оглянулась на звук.

— Это Паша встал?

— Нет, соседи.

— У него утром школа.

Вера не стала говорить, что у Павла двенадцатилетний сын. Помогла матери расстегнуть пальто. На кухне они выпили по несколько глотков воды. Мать перебирала бахрому скатерти, пока не согласилась лечь.

В пять она позвала снова: искала сумку. В шесть спросила, почему в комнате чужие вещи. Вера показала свою кофту, сказала, что приехала погостить. Нина Андреевна успокоилась не сразу, но успокоилась. В семь у Веры прозвенел телефонный будильник.

На совещании она смотрела на собственное лицо в углу экрана. Под глазами лежали серые тени. Андрей спрашивал про сроки. Инженер говорил, что новые чертежи почти готовы, и в слове «почти» Вера услышала возможность поспать.

— Вера, вас слышно плохо.

Она поняла, что выключила микрофон и продолжает отвечать.

— Сейчас. Да, по срокам успею.

Из коридора донёсся звон. Мать уронила ложку и зачем-то пыталась поднять её шваброй.

— Секунду, пожалуйста.

Вера выскочила, подала ложку, вернулась. Андрей ещё говорил. Она уловила только конец:

— …скажите, в какие часы вам удобно, чтобы мы не дёргали хаотично.

— В обычные. Всё нормально.

После совещания Вера увидела пропущенный звонок Ильи. Бывший муж обычно писал, если речь шла о Даше, и от этого один незнакомый порядок звонка успел её напугать.

Он ответил сразу.

— Ничего не случилось. Даша сказала, ты задерживаешься. Хотел спросить, с квартирой что-то нужно?

Вера посмотрела на открытую таблицу.

— Она там сама разберётся.

— Я могу заехать, если просит. Там розетка у стола искрила, я обещал посмотреть.

Вера вспомнила розетку. Собиралась вызвать специалиста, потом забывала, потому что работала от другой. Даже здесь, в материнской квартире, не перестала отвечать за все неустроенные вещи собственного дома.

— Заедь. Только спроси у неё, когда удобно.

— Я спросил.

Она почувствовала короткое раздражение, потом поняла: он уже договаривался с дочерью напрямую. Не требовалось передавать ему разрешение через мать.

Илья спросил о Нине Андреевне. Вера ответила привычно: сложно, но пока нормально. Он не стал советовать, что делать, и это помогло сказать ещё несколько слов правдивее.

— Я ночью почти не спала.

— Понятно.

Вера ждала продолжения. Он помолчал, потом сказал, что может в эти выходные помочь Даше с домашними делами и оплатить часть её нужных расходов раньше обычного. Не предложил приехать и решить всё. У него была другая жизнь, и Вера знала, почему они когда-то перестали быть семьёй. От одного спокойного разговора это не менялось.

— Спасибо, — сказала она.

— Ты ей звони. Она волнуется, только не хочет тебя ещё дёргать.

Вера посмотрела на Дашино вчерашнее сообщение. Ответила дочери поздно, несколькими словами, попросила не забыть про учёбу. Теперь услышала, как это могло выглядеть с другой стороны.

— Позвоню.

После разговора не стало ни особенно тепло, ни особенно больно. Просто ещё один взрослый человек взял небольшое дело, которое мог выполнить. Вера не обязана была ни

отвергать помощь из старой обиды, ни понимать её как обещание прежней близости.

Она написала Даше, что отец говорил про розетку, и спросила, удобно ли вечером поговорить. Дочь ответила почти сразу. Вера поставила время и не стала добавлять напоминание о том, что надо питаться нормально.

После звонка она открыла таблицу. День делился на привычные рабочие часы, но теперь туда нужно было вписать еду, воду, помощь с одеждой, прогулку и всё то, что нельзя было назвать заранее, потому что мать могла позвать в любую минуту.

Над дверью завёлся будильник, которым Нина Андреевна пользовалась вместо кухонного таймера. Вера нажала верхнюю кнопку — звон прекратился и начался снова.

— Там сбоку, — сказала мать.

Сбоку оказалась крошечная пимпочка. Вера надавила ногтем. Будильник умолк.

— Я этот звук в Петербурге слышала, — сказала она. — Без будильника.

Мать неожиданно усмехнулась.

— Хороший был. Ни разу не проспала.

Вера посмотрела на её лицо, снова ставшее знакомым. Потом открыла билет в телефоне. Нажала «вернуть». Сайт предупредил, какую сумму удержит.

Она согласилась и только после этого написала Даше, что задержится.

Глава 7 Кто может во вторник

Раиса Андреевна принесла голубцы в эмалированном лотке. Ирина — блокнот. Павел пришёл последним и принёс батарейки, о которых его никто не просил, но которые где-нибудь наверняка пригодятся.

Нина Андреевна сначала сидела с ними, потом решила, что они громко разговаривают, и ушла в комнату. Вера прикрыла дверь.

— Я, конечно, что могу, — сказала Раиса. — Но надо же понимать.

— Давайте поймём по дням, — предложила Ирина.

Она открыла блокнот. Раиса посмотрела на него с лёгкой обидой: её готовность помочь уже превращали в обязательство.

— По дням я не знаю. У меня колено.

— Во вторник утром кто-нибудь может? — спросила Вера.

Павел покачал головой.

— У меня работа.

— У меня тоже работа.

— Ну ты же дома.

Вера провела ладонью по столу, собирая невидимые крошки.

— Когда я дома, я тоже должна что-то делать, за что мне

платят.

— Да я понимаю.

— Тогда почему ты говоришь «ну ты же дома»?

Павел посмотрел на жену. Ирина не помогла.

— Я в среду могу часа на два, — сказала Раиса. — Но не с утра. С утра у меня давление.

— Хорошо. В среду с двух до четырёх?

— Ну если ничего не будет.

Ирина положила ручку.

— Раиса Андреевна, это время можно поставить или нельзя?

— Ты говоришь, будто я на работу устраиваюсь.

— Нет. Поэтому и спрашиваю. На работе у вас был график.

Павел поднялся поставить чайник. Вера заметила, как он радуется конкретному поручению, которого не нужно обсуждать.

— Мы с Ириной сейчас тоже не очень, — сказал он со стороны плиты. — У Мишки соревнования. Кредит. Я не жалуюсь.

— Ты перечисляешь, почему не можешь.

— А ты можешь?

— Я уже здесь.

Вера услышала в собственных словах требование благодарности и рассердилась ещё сильнее.

Ирина открыла блокнот на чистой странице.

— Нам нужен человек на дневные часы. Платный. У меня есть номер, коллега нанимала для свёкра. Сначала выясним, сколько стоит. Потом что можем закрыть сами.

— Чужого человека в дом, — тихо сказала Раиса.

— Да.

— Нина не согласится.

— Тогда будем знакомить. Но я не могу сказать: мы с Верой всё поделим, а потом выяснится, что поделили только на Веру.

Павел обернулся.

— Я такого не говорил.

— Я и не сказала, что ты говорил.

Вера ощутила короткую радость: наконец-то кто-то говорил с Павлом за неё. И сразу захотела вмешаться, чтобы брат не обиделся.

Она промолчала.

Через час в блокноте появились суммы, два телефона и Павлова суббота. Раиса согласилась приносить ужин раз в неделю. По среде договориться не удалось.

— Вы хотя бы голубцы поешьте, — сказала она, собираясь. — А то всё разговоры.

Нина Андреевна вышла проводить гостей. Посмотрела на лоток.

— Опять столько сделала. Кто это есть будет?

Раиса принялась объяснять, что голубцы небольшие. Мать возражала, но уже улыбалась. Пока сёстры спорили о

количестве еды, Вера переписала расписание в телефон.

Рядом со своей фамилией она поставила прочерки: с девяти до прихода помощницы, после ухода помощницы, вечер, ночь. Точное время не требовалось. Все и так понимали.

Глава 8 Своим можно говорить

В конце марта снег на набережной стал серым и зернистым. Вера вышла с матерью до лавочки возле дома. Дальше идти не решилась: Нина Андреевна устала и стала раздражаться из-за неровного тротуара.

На лавочке мать вдруг спросила:

— А у Даши учёба как?

Вера повернулась к ней.

— Нормально. Макет сдала.

— Она с тобой живёт?

— Конечно. Ну сейчас одна там.

— Илья помогает?

Вера почувствовала, что всё внутри подалось вперёд. Имя бывшего мужа мать давно не произносила. На секунду они снова оказались обычными матерью и дочерью, которым было что обсудить.

— Помогает. Они созваниваются. Иногда к нему ездит.

— Тебе надо было с ним помягче.

Вера посмотрела на лужу под лавочкой.

— Мам, мы пять лет как развелись.

— Ну и что. У тебя всегда своё мнение. Мужчины не любят, когда их учат.

— Я не учила.

— Я не знаю. Я с вами не жила.

И это должно было завершить разговор, но не завершило.

— И работу бы нормальную нашла. Сидишь одна с этим компьютером.

— Эта работа сейчас позволяет мне быть здесь.

— Я тебя не звала.

Вера замерла. Мать уже смотрела на воробьёв, которые дрались возле урны. Тон у неё был будничный. Она не произносила приговор. Просто поправляла что-то, что, по её мнению, стояло неправильно.

Дома Вера помогла ей снять ботинки, повесила пальто. Спросила, будет ли чай. Мать сказала, что позже.

На лестницу Вера вышла с мусорным пакетом. Контейнер находился за домом, и идти к нему можно было двумя дорогами. Она выбрала длинную.

Было довольно тепло. По мокрому асфальту шёл мальчик в школьной форме и ел что-то из бумажного пакета. Мать, шедшая рядом, ругала его за то, что он испачкает пиджак. Мальчик дожевал, завернул остаток и сунул матери. Та машинально доела.

Вера опустила мусор в контейнер, но осталась возле него. Ей казалось, что она слишком взрослая, чтобы так обижаться. Сорок два года, дочь почти выросла, оплаченная квартира, сложные расчёты, которые другие не умеют делать. И одного замечания на лавочке хватает, чтобы всё это стало сомнительным.

Утром другой женщине мать уступила бы место. Другая

женщина могла рассказать про развод и получить хотя бы вежливое молчание.

Вера почувствовала, что думает не о другой женщине. О себе. О том, какой могла бы быть здесь, если бы её не узнавали.

Телефон завибрировал. Даша спрашивала, что делать с маминими зимними вещами: убрать в коробки или оставить.

«Пока оставь», — ответила Вера.

«Ты скоро?»

Она смотрела на два слова, пока экран не потемнел.

Потом написала: «Пока не знаю».

Наверху мать окликнула её ещё из прихожей:

— Долго ты. Где ходишь?

— Мусор выносила.

— Чай будешь?

Вера разулась, вымыла руки и пошла на кухню. Нина Андреевна уже достала чашки. На этот раз она точно знала, кто с ней сядет.

Часть вторая Женщина которой рады

Глава 9 Рабочие часы Надежды

Надежда пришла без белого халата, и Вера испытала облегчение, которого сама от себя не ожидала.

На женщине были джинсы, тёмная кофта и короткие ботинки. Она сняла их в прихожей, достала из сумки чистую обувь, спросила, где можно вымыть руки. Вера приготовила для неё чашку, тарелку с конфетами и рассказ о том, какой мать раньше была хозяйкой.

Надежда выслушала минут пять.

— А сейчас что самое трудное?

Вера замолчала.

— Да она вообще-то многое сама. Просто иногда…

— Вы мне можете сказать. Мне нужно знать, на что рассчитывать.

Нина Андреевна смотрела телевизор в соседней комнате. Вера понизила голос, будто собиралась выдать её секрет.

— Может забыть, что уже поела. Или что не поела. Ночью собиралась на работу. С лекарствами нельзя одну. И иногда меня не узнаёт.

Надежда не округлила глаза. Достала тетрадь.

— Что тогда помогает?

— Не знаю. Обычно объясняю.

— Получается?

Вера покачала головой.

— Когда как.

— Хорошо. Что любит есть? Что не любит? Как к ней лучше обращаться?

Вера впервые за весь месяц отвечала на вопросы, в которых не было оценки её дочерних качеств. Манная каша не нужна. Рыбу надо внимательно разбирать. Нина Андреевна, не бабушка. Громкий голос не любит, торопиться не любит, неожиданно касаться тоже.

— Я могу с десяти до двух, — сказала Надежда. — Пять дней. Четыреста в час. Если нужно другое время, обсуждаем заранее. Я не медсестра, уколы не делаю. Врачебные назначения сама не меняю.

— А если задержаться?

— Могу иногда.

— Ну мало ли что. Работа.

— Я понимаю. Но час всё равно будет часом. Не «вы же понимаете».

Вера улыбнулась. Ей сразу стало неловко, что она уже пыталась получить что-то сверх договорённости, ещё не договорившись.

В комнате мать убавила телевизор.

— Кто пришёл?

Вера представила женщин друг другу. Нина Андреевна осмотрела Надежду с ног до головы.

— Мне прислуга не нужна.

— Я тоже не прислуга, — сказала Надежда. — Давайте просто познакомимся.

Она села не на свободный край дивана, а на стул: у матери осталось достаточно места. Несколько минут они говорили о погоде. Мать отвечала сухо. Потом заметила плохо пришитую пуговицу на Надеждином рукаве.

— Вы бы перешили. Потеряете.

— Всё собираюсь.

— Так это пять минут.

— У меня такие пятиминутные дела месяцами лежат.

Нина Андреевна качнула головой. Вера знала эту качнувшуюся голову: человека ещё можно исправить, но нужно действовать немедленно.

— Она на фабрике мастером была, — сказала Вера.

— Вижу, что разбирается.

Из пакета на кресле Надежда достала наволочку, которую мать недавно отложила из-за неудобной ткани. Спросила, почему одна сторона мягче другой. Нина Андреевна провела пальцами по полотну и стала объяснять. Потеряла слово. Раздражённо щёлкнула ногтем по шву. Надежда подождала, потом спросила иначе.

Вера стояла в дверях с конфетами. Ей хотелось тоже за-

дать хороший вопрос, войти в этот разговор правильно. Вместо этого она сказала, что чай остывает.

После знакомства Вера ещё раз обошла квартиру с Надеждой. Показывала шкафы, воду, чистые вещи, запасную простыню. Помощница задавала короткие вопросы, иногда записывала. Не запоминала всё с первого раза и не делала вид, что обязана.

— Здесь поставим тетрадь? — спросила она. — Чтобы не в телефоне искать, что было за день.

Вера согласилась. Нашла новую, слишком красивую для обычных записей, потом всё-таки принесла её. Бумага не становилась полезнее оттого, что выглядела скромно.

Они договорились, что записывают, как передают изменения, когда связываются с дочерью, а когда необходима медицинская помощь. Надежда попросила оставить один актуальный лист назначений, чтобы не выбирать между несколькими версиями.

— И если что-то поменяется, сразу сообщайте. Я сама не догадаюсь.

Вера почувствовала знакомый порыв ответить, что конечно, она же не безответственная. Сдержалась. Ей не делали замечание. С ней обсуждали работу.

Мать заглянула из комнаты.

— Вы тут надолго?

— Сейчас закончим, — ответила Надежда. — Мы только договариваемся.

Нина Андреевна посмотрела на тетрадь, на дочерний телефон, ушла обратно. Вера понизила голос.

— Ей неприятно, что за неё всё.

— Тогда то, что может выбрать сама, пусть выбирает. А про время и оплату мы можем отдельно говорить.

Вера кивнула. До этого любое семейное обсуждение проходило в кухне так, будто мать либо должна всё понимать, либо вовсе не существует рядом. Оказалось, между этими двумя крайностями оставалось много простых действий: спросить, предупредить, не обсуждать при человеке то, что его унижает.

Перед уходом Надежда уточнила время начала. Вера ещё раз спросила про возможную задержку. Помощница повторила условия тем же спокойным тоном. Никакой обиды на то, что её труд посчитали по часам, не возникло. Она сама его так считала.

Когда дверь закрылась, Вера села возле чистой тетради и написала дату. Хотела добавить длинный рассказ о матери, потом оставила место для тех сведений, которые пригодятся завтра. Всё остальное пока принадлежало ей, а не человеку, которого наняли на четыре часа.

На следующий день Надежда осталась на первые два часа, пока Вера работала за закрытой дверью. Из комнаты доносились голоса, шорох пакета, звук передвинутого стула. Однажды мать позвала дочь. Надежда ответила, что Вера рядом и занята, и спросила, нужна ли помощь сейчас.

Мать согласилась на помощь.

Вера посмотрела на дверь. Ей стало легче, а через секунду — обидно.

В конце смены Надежда записала: поела, попила, устала после короткой прогулки. Никаких чудес не произошло. Но Вера впервые закончила расчёт, не поднимаясь каждые несколько минут.

Когда проводила помощницу, мать тихо сказала:

— Только не на весь день её. Я устану.

— Хорошо, мам.

Вера закрыла дверь и посмотрела на часы. Четыре часа стали существовать отдельно от остальных двадцати.

Глава 10 Смета на обычную жизнь

В школе, которую предстояло ремонтировать, было двадцать семь дверных блоков. На плане — двадцать шесть. Вера трижды пересчитала, прежде чем поняла, что отсутствует дверь в учительский туалет.

Она написала инженеру. Тот ответил, что учителя как-нибудь обойдутся, и прислал исправленный файл.

Вера засмеялась вслух. За стеной Надежда спросила мать, не хочет ли она пройтись. Нина Андреевна сказала, что погода отвратительная. Вера услышала за закрытой дверью обычный разговор и снова погрузилась в работу.

За час она сделала больше, чем накануне за полдня. Строки сходились, формулы считали правильно. Человек, которого дома вечно нужно было поправлять, здесь знал, что делает.

В два Надежда постучала.

— Я собираюсь.

— Ещё пять минут?

— Пять могу.

Вера сохраняла файл. Позвонил Андрей, она машинально ответила. Он объяснял, что завтра нужно обсудить изменения с заказчиком, желательно сразу после обеда. Вера кивала, хотя он её не видел. Надежда надела куртку.

— Можно на одиннадцать? — перебила Вера.

— Заказчику удобно в два.

— Тогда в три?

Андрей помолчал.

— Вера, я могу спросить. Но давайте вы сначала скажете, в какие часы доступны.

Она посмотрела на Надежду и неожиданно разозлилась на обе стороны этого разговора.

— Я доступна. Просто завтра немного не получается.

После звонка помощница объяснила, что на следующий день останется до трёх, если они договорятся сейчас. Вера поблагодарила, заплатила за лишнее время сегодня, записала завтрашнее. Всё решилось. Почему же ей хотелось плакать, она не поняла.

Павел позвонил вечером.

— Ты в четверг можешь быть с матерью подольше? Я не зайду.

— Я и так с ней вечером.

— Ну мало ли. Просто предупреждаю.

Вера открыла таблицу расходов. Вышло тридцать две тысячи за обычный месяц Надеждиных часов. Плюс покупки. Плюс то, что пока не хотелось считать. Мать получала пенсию, Павел переводил свою часть, Вера добавляла остальное, и всё ещё выглядело терпимо, если не учитывать, что на работу она расходовала уже не только оплаченные часы.

— Паш, нам надо записать, что именно ты делаешь. Не «заходишь», а…

— Я же субботу взял.

— До обеда.

— Ну да.

Она закрыла глаза. Мать в комнате переключала каналы. Между двумя объявлениями звучала бодрая музыка, которая в таком контексте казалась издевательской.

— Ладно. Субботу до обеда оставляем.

Позже Даша прислала время учебного просмотра.

— Ты сможешь приехать? — спросила она по телефону. — Не обязательно на всё. Часа на два.

Вера знала, что два часа в Петербурге означают несколько дней с дорогой. Прикинула, кого можно попросить, сколько обойдётся замена, сколько работы накопится.

— Я попробую.

— Ты же не приедешь.

— Я сказала, попробую.

Даша не стала спорить. Именно это оказалось неприятнее всего.

Вера ещё поработала. Закрыла двадцать семь дверных блоков, исправила неверный коэффициент, отправила расчёт. Андрей ответил: «Спасибо. Вот теперь всё понятно».

Она перечитала сообщение два раза и оставила его открытым, пока чистила матери яблоко.

* * *

Учебный просмотр начался в три. Даша прислала ссылку на видеозвонок: одногруппница согласилась показать мате-

ри часть работы через телефон. Вера заранее поставила напоминание, попросила Надежду задержаться и в половине третьего уже сидела за компьютером, проверяя звук.

Потом позвонил инженер. В новом файле изменили отметки, и расчёт, отправленный утром, требовалось проверить до разговора с заказчиком. Вера сказала, что сможет после четырёх. Инженер ответил, что заказчик будет в три двадцать.

— Мне нужно хотя бы понять, насколько меняется итог, — попросил он. — Не весь расчёт заново.

Вера открыла файл. Четверть часа, подумала она. Только посмотреть. В три пришло Дашино сообщение. Вера нажала ссылку, увидела кусок белого потолка, чью-то руку, край стола с макетами. Голос преподавателя был почти не слышен.

— Мам, ты тут? — шепнула дочь.

— Тут. Я слушаю.

Телефон лежал возле клавиатуры. Вера смотрела в чертёж, одновременно пытаясь различить, кому задают вопрос. Обнаружила, что одна из новых отметок относится к другому уровню, вернулась к старому листу. Из телефона донёсся Дашин голос — дочь начала рассказывать.

Вера отодвинула мышь. В этот момент инженер прислал уточнение и сразу позвонил. Она сбросила вызов, написала: «Пять минут». Он ответил, что у него уже ждут.

Даша говорила. Вера видела её сбоку, маленькую, в чужом плохо наведённом кадре. Девушка показывала на макет, объ-

ясняла устройство прохода. Вера попыталась слушать внимательно, но взгляд уже перескочил к расчёту. Там могло получиться серьёзное расхождение, и за него отвечала она.

Связь с просмотром прервалась. Вера не сразу заметила. Перезвонила инженеру, закончила проверку, отправила итог. Когда снова открыла сообщение дочери, прошло сорок минут.

«Ты слышала?»

Вера долго смотрела на вопрос. Можно было ответить, что звук пропадал. Это было правдой. Только не всей.

«Начало. Потом пришлось отвлечься по работе. Прости».

Даша ответила через некоторое время: «Я поняла».

Вера позвонила. Дочь была ещё с ребятами. Говорила ровно, рассказала про замечания и оценку. Мать пыталась восстановить пропущенное вопросами, но у каждого ответа уже был другой адресат: преподаватель, друзья, люди, которые находились рядом.

— Я рада, что ты сдала, — сказала Вера.

— Спасибо.

— Я правда пыталась.

Даша помолчала.

— Я знаю, мам.

Это знание ничего не исправляло и не обвиняло. Дочь не могла заставить её присутствовать. Вера не могла доказать присутствие количеством попыток.

После звонка она закрыла рабочий файл и посмотрела на

собственные руки. Они за этот час сделали необходимое дело. Работа была настоящая, срок тоже. Всё равно существовало другое настоящее дело, которого она не сделала.

Вечером Вера попросила Дашу прислать отдельные фотографии макета. Рассмотрела каждую, задала вопросы, на которые ещё могла получить ответ. Не назвала это заменой просмотру. На прощание дочь сказала, что, возможно, приедет в апреле. Вера ответила, что будет рада, и не добавила, как много всего можно будет успеть вместе.

Глава 11 Внучка приехала

Даша приехала с рюкзаком, который был почти больше её самой. Из бокового кармана торчала картонная трубка. Вера взяла её за конец.

— Только не тяни, там сворачивается всё.

— Что всё?

— Мои остатки образования.

Они засмеялись и обнялись посреди прихожей. От дочери пахло поездом, её шампунем и ещё чем-то новым, чего дома раньше не было.

Нина Андреевна вышла из комнаты.

— Даша?

— Да, бабуль. Привет.

— Худенькая какая. Тебя там кормят?

Вера услышала свой голос, сказанный матерью. На вокзале она хотела спросить ровно то же.

Даша поцеловала бабушку, дала ей коробку печенья. Нина Андреевна сказала спасибо. Просто спасибо. Вера ушла ставить чайник.

За обедом дочь пыталась сфотографировать тарелку. Сделала один снимок, недовольно посмотрела, передвинула хлеб.

— Ты ешь, пока горячее, — одновременно сказали мать и бабушка.

Даша подняла глаза.

— Так. По очереди.

Вера засмеялась. Нина Андреевна, поняв совпадение, тоже улыбнулась.

— Фотографируй уже, — сказала она. — Только меня не надо. Я не причёсана.

— Тебя не буду.

— И скатерть эту не надо. Хорошую бы постелили.

Даша посмотрела на мать поверх телефона. Вера пожала плечами. На секунду они оказались вдвоём по одну сторону привычной жизни, и ей захотелось удержать это ощущение.

После обеда она попросила Дашу разобрать старый письменный стол.

— Ты же говорила, мы погуляем.

— Погуляем. Там немного.

В столе лежали Верины школьные тетради, чертёжные инструменты и несколько фотографий, которые мать считала неподходящими для альбома. Даша раскладывала их на кровати. На одной семнадцатилетняя Вера стояла возле воды в слишком большой мужской рубашке.

— Крутая фотка.

— Волосы кошмар.

— Нормальные волосы.

Вера хотела возразить и поймала себя на том, что повторяет мамино мнение о снимке. Она уже не помнила, нравились ли ей когда-нибудь собственные волосы на этой фото-

графии.

Мать подошла к двери.

— Что вы там копаетесь?

Даша показала фотографию.

— Это вы где?

Нина Андреевна долго смотрела.

— Девочка знакомая.

Вера взяла снимок у дочери.

— Это я, мам.

Мать нахмурилась, потом сказала, что на кухне стоит чашка и её надо убрать. Даша проводила её взглядом.

— Мне кажется, ты слишком быстро спрашиваешь, — негромко сказала она.

Вера резко повернулась.

— Я не спрашивала.

— Я не про сейчас. Просто…

— Даш, я тут уже месяц. Я вижу, как бывает.

Дочь вернулась к столу. Вера подняла с пола упавшую тетрадь и почувствовала, что упустила хорошую минуту, хотя минуту можно было вернуть, сказав всего несколько слов. Она этих слов не сказала.

Вечером они всё-таки вышли на полчаса. Павел остался с матерью. Даша рассказывала про мастерскую, куда ходила помогать с макетами, и про людей, которые восстанавливали старую мебель.

— Мне там нравится, — сказала она. — Я хотела тебе

показать кое-что. Я думаю, может…

У Веры зазвонил телефон. Брат не мог найти полотенце, которое мать согласна была взять после умывания. Разобрались быстро, но к разговору уже не вернулись.

Перед сном Даша снова достала телефон с фотографиями мастерской.

— Мам, я хотела…

— Давай завтра? Я сегодня совсем.

— Давай.

Она убрала телефон. Вера легла рядом на разложенном диване и через несколько минут уснула, чувствуя сквозь сон, что дочь всё ещё не спит.

Глава 12 Не сейчас

Вера выбрала утро, когда мать проснулась в хорошем настроении. Позавтракали, проветрили комнату, убрали со стола. Нина Андреевна сама вспомнила фамилию соседки, которую накануне не могла назвать, и Вера решила, что это знак.

— Помнишь, я в девятом классе на конкурс ездила?

— Какой конкурс?

— Где мы спектакль делали. В районном Доме культуры.

Мать задумалась.

— Там холодно было.

— Да. Ты ещё мне воротник переделывала.

— Потому что пришили как попало.

Вера кивнула. Они наконец говорили об одном и том же событии.

— Мы тогда второе место заняли.

— Хорошо.

— А ты после сказала, что я слишком громко говорила. И руками махала.

Нина Андреевна посмотрела на её ладонь, лежавшую возле чашки.

— Может, махала.

— Мам, я роль играла.

— Ну играла. Молодец.

Слово легло между ними так легко, что Вера не успела ему обрадоваться. Она ждала за ним чего-то ещё.

— Мне тогда очень хотелось, чтобы ты сказала, что тебе понравилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.